

УДК 340

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-460-29-43

Ю. В. Зудов

Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА),
Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН,
Москва, Российская Федерация,
yury.zudov@mail.ru

ПАТРИОТИЧЕСКАЯ РИТОРИКА КАК СРЕДСТВО АДАПТАЦИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ К НОВОЙ ПОЛИТИКЕ В СФЕРЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО- РЕЛИГИОЗНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СССР (1940–1970-е гг.)

Аннотация. В статье рассматривается один из компонентов процесса формирования правосознания и институциональной адаптации Русской православной церкви к советской политико-правовой системе эпохи позднего сталинизма и последующих десятилетий. Исследуется формирование одного из аспектов когнитивной рамки РПЦ как института, отраженного в трансформации языка официальных церковных публикаций и публичной риторике на общественно-политические и правовые темы. В статье проанализированы механизмы взаимодействия церкви и государства в ситуации правовой неопределенности и дефицита информации о регулировании государственно-религиозных отношений.

Делается вывод, что патриотическая риторика являлась инструментом самозащиты и адаптации РПЦ как возрождаемого в период зрелого сталинизма института.

Ключевые слова: государственно-религиозные отношения в СССР; советское право; история правового регулирования; Русская православная церковь; неформальные правила и практики.

UDC 340

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-460-29-43

Yu. V. Zudov

Kutafin Moscow State Law University,
Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation,
yury.zudov@mail.ru

PATRIOTIC DISCOURSE AS AN ADAPTIVE MECHANISM: THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH WITHIN SOVIET LEGAL FRAMEWORKS GOVERNING STATE-RELIGIOUS RELATIONS (1940s – 1970s)

Abstract. The article examines one of the components of the process of forming the legal consciousness and institutional adaptation of the Russian Orthodox Church to the Soviet political and legal system of the late Stalinist era and subsequent decades. The article examines the formation of one of the aspects of the intellectual framework of the Russian Orthodox Church as an institution, reflected in the transformation of the language of official church publications and public rhetoric on socio-political and legal topics. The article analyzes the mechanisms of interaction between church and state in a situation of legal uncertainty and lack of information on the regulation of state-religious relations.

It is concluded that patriotic rhetoric was an instrument of self-defense and adaptation of the Russian Orthodox Church as an institution revived during the period of mature Stalinism.

Keywords: state-religious relations in the USSR; Soviet law; history of legal regulation; Russian Orthodox Church; informal rules and practices.

Введение

Российские и зарубежные историки права отмечают, что специфика советской правовой системы состояла в ее прерогативном характере, под которым обычно понимается исключительное право государственных органов или должностных лиц действовать по своему усмотрению, не ограничиваясь рамками законодательства [28; 34].

Так, ст. 124 сталинской Конституции 1936 г.¹ официально провозглашала свободу совести и свободу отправления религиозных культов. Однако реальное правовое регулирование вопросов религии осуществлялось путем издания различных секретных приказов и инструкций, которые не были известны верующим, но при этом самым существенным образом влияли на рамки дозволенного для религиозных организаций.

Возникает закономерный вопрос: каким образом такое положение дел влияло на правосознание высшей иерархии Русской православной церкви,

¹ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.). М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1937.

а также рядового духовенства и мирян? Для ответа необходимо, прежде всего, обратиться к изучению официального церковного языка.

Особенностью публичной риторики РПЦ в 1940–1970-е гг. было провозглашение лояльности советской власти и обилие патриотических высказываний. Конечно, официальные похвалы православных иерархов советским вождям могут представляться дипломатической хитростью, позволяющей институту церкви выжить, но такое объяснение оставляет за скобками субъектность РПЦ как самостоятельного актора в специфической советской модели взаимодействия двух важнейших социальных институтов — государства и церкви.

Предметом изучения данного исследования является формирование одного из аспектов мыслительной, когнитивной рамки РПЦ как института, отраженного в трансформации языка официальных церковных публикаций и публичной риторики на общественно-политические и правовые темы.

Цель работы — анализ механизмов взаимодействия Русской православной церкви и государства в ситуации правовой неопределенности и дефицита информации о регулировании государственно-религиозных отношений в 1940–1970-е гг.

Для этого необходимо сформулировать особенности государственного дискурса по вопросу соблюдения прав верующих в СССР; осветить представленность этих сюжетов в церковных периодических изданиях и официальных выступлениях иерархов; сделать выводы, как понимание своих прав (или отсутствие такового) влияло на мыслительную рамку церкви как института, на правосознание его членов.

Методы исследования

Исследование будет опираться на новый методологический подход, названный нами *историко-правовым неинституционализмом*, который базируется на неинституциональной теории Дугласа Норта (Douglass North, 1920–2015), институциональной теории права и антропологической версии институционального анализа Мэри Дуглас (Mary Douglas, 1921–2007). Кроме того, для прояснения роли церковного патриотического дискурса как части процесса неформальных институциональных взаимодействий мы будем использовать элементы методологии кембриджской школы интеллектуальной истории и акторно-ориентированного анализа².

Хронологические рамки охватывают период 1940–1970-х гг. Последнее советское десятилетие в силу его специфики (в том числе начало перестройки,

² Акторно-ориентированный анализ основывается на акторно-сетевой теории, в рамках которой социальные процессы рассматриваются не только как результаты человеческих действий, но и как взаимодействие различных акторов (людей, организаций, технологий и пр.). Теория показывает, как эти акторы объединяются в сети, формируя и преобразуя социальную реальность [12].

празднование 1000-летия крещения Руси и т. д.) требует отдельного исследования.

В качестве основного источника будут взяты публикации единственного официального периодического издания РПЦ в тот период — «Журнала Московской патриархии» (ЖМП), проанализированные в интересующем нас аспекте.

Журнал, переучрежденный в 1943 г. и ставший одним из символов нового этапа государственно-религиозных отношений, формировал новые правила официального церковного языка, официальный образ церкви, задавал рамки, в которых РПЦ могла позиционировать себя как часть советского общества. Следует оговориться, что выпуск журнала осуществлялся в условиях жесткой государственной цензуры.

Гипотеза исследования состоит в том, что, с одной стороны, государство при осуществлении религиозной политики использовало правовую риторику, декларируя обеспечение религиозных свобод в соответствии со сталинской конституцией (прежде всего при реализации внешнеполитических инициатив). С другой стороны, в ситуации тотальной засекреченности законодательства о культах (особенно в сталинские и хрущевские годы) церковь как институт была слабо информирована в отношении правовых вопросов, а следовательно, не могла полноценно доводить их и до церковной общественности. Поэтому, не имея возможности продемонстрировать поддержку государственной политики через соблюдение законодательства или опереться на нормативные акты для отстаивания своих прав, она взамен обращалась к патриотической риторике и таким образом не просто подтверждала свою лояльность, но и стремилась расширить границы дозволенного ей государством.

Степень научной разработанности темы

Количество работ, посвященных правовому регулированию государственно-религиозных отношений в СССР в целом, в настоящее время достаточно велико [3; 4; 7; 13; 17; 19; 20; 23; 24]. Все они едины в констатации активной патриотической позиции РПЦ в годы Великой Отечественной войны и считают этот факт одной из причин смены вектора государственной политики в 1943 г. При этом, по мнению Питера Дункана, и советское государство, и РПЦ нередко вкладывали в понятие «патриотизм» и долю националистического дискурса [26].

Очевидно, можно согласиться с Роджером Ризом, который полагает, что руководство РПЦ осознанно стремилось использовать ситуацию для возвращения значимости церкви в жизни общества и укрепления ее легитимности [32].

Отметим, что часть выполненных в классическом нарративном ключе работ почти целиком посвящены пересказу обнаруженных архивных документов. По замечанию Николая Митрохина*, в таких работах сохранились черты «советского наследия — писать только о том, что было прочитано в документах,

* — внесен Минюстом России в реестр иностранных агентов.

найденных желательны в надежных государственных архивах» [14, с. 505–506]. Этим они существенно отличаются от принятых в научном сообществе современных подходов, для которых характерно изложение идей в проблемном ключе, что позволяет ставить и решать вопросы концептуального плана, не ограничиваясь лишь описательными рамками.

Политический язык как явление рассматривает в своих работах О. Хархордин, поясняя важность культурного и языкового контекстов для понимания различий в политической мысли разных стран [21], Т. Атнашев и М. Велижев, которые предлагают аналитическую оптику кембриджской школы интеллектуальной истории для описания истории русских общественно-политических языков [2].

Что касается попытки рассматривать специфику языка религиозных институтов и его влияния на мышление верующих, И. Давыдов и И. Фадеев используют в этих целях идеи Мэри Дуглас. Церкви «мыслят сакрализованными мифами», излагая их языком догматических формул для «высокостатусных посвященных», а «массе» (периферии мыслящего сообщества) — на понятном для нее языке обрядов. Таким образом формируется общая идентичность верующих [5, с. 228–229]. Эта важная работа тем не менее касается именно внутрицерковного дискурса и языка, но не обращается к особенностям политической риторики РПЦ как средства адаптации церкви к системе правового регулирования государственно-религиозных отношений в СССР.

Ограничением большинства известных работ по рассматриваемой тематике можно назвать, с одной стороны, акцент на изучении формальных правил и рассекреченной части документов архива Совета по делам религий (в ущерб неформальным правилам и практикам государственно-церковного взаимодействия)³, а с другой стороны, недостаточно разработанную институциональную составляющую этих правоотношений. Кроме того, не анализируется роль официального языка РПЦ в процессе кооптации церковью советской системы правового регулирования сферы религии.

Методы исследования

При изучении вопросов, связанных с правовым регулированием государственно-религиозных отношений в СССР, во-первых, важно рассматривать его комплексно, прежде всего пытаясь выявить реальные, не записанные на бумаге механизмы институциональных взаимодействий. Во-вторых, следует исходить

³ *Формальные правила* представляют собой официально закрепленные или зафиксированные правила, процедуры и нормы, которые создаются, распространяются и соблюдаются с помощью каналов, признаваемых официальными (избирательные системы, конституции, законы, договоры, уставы партий, правила и контракты и пр.). В противоположность им неформальные правила — это принятые в обществе, обычно неписаные правила, которые создаются, становятся известными и насаждаются вне официально санкционированных каналов. Разделение правил регулирования на формальные и неформальные характерно для институциональной и неинституциональной методологии. См. об этом: [22, с. 9–11].

из того, что Русская православная церковь также была полноценным субъектом этих взаимоотношений.

Этим задачам отвечает использование в исследованиях истории правового регулирования отношений советского государства и РПЦ институционального и неинституционального подходов [22].

При изучении официальных текстов также представляется необходимым опереться на подходы кембриджской школы интеллектуальной истории, которая предлагает рассматривать религиозные институты и их политический язык как инструменты воздействия авторов на аудиторию в рамках общего конвенционального поля⁴.

Кроме того, в рамках обсуждения вопросов влияния политического языка на формирование институтов важно учитывать положения работ Мэри Дуглас⁵. Она, в частности, обращается к понятию «коллективных представлений», или, иначе, «мыслительного коллектива» и его «стиля мышления», которые направляют восприятие и создают запас знаний [8, с. 68].

Для нас важно, что институты фиксируют идентичность (индивидуальную и групповую) своих членов, обеспечивают их мышление категориями, «закрепляют социальную систему взглядов путем сакрализации принципов справедливости» [8, с. 207]. В итоге важные решения принимаются индивидами исключительно в рамках созданных ими институтов [8, с. 229].

Применение метода акторно-ориентированного анализа поможет нам ответить на вопрос, как используемый язык может выступать средством адаптации политического актора (в нашем случае речь идет о патриотической риторике РПЦ в 1940–1970-е гг.) к государственной системе в условиях дефицита (правовой) информации, запуская процесс институциональных изменений.

В исследованиях, посвященных изучению структурных факторов в возникновении и доминировании неформальных институтов (неформальных регуляторов общественных отношений), отмечается, что политическая система находится в равновесном состоянии до тех пор, пока экзогенные причины не приведут к институциональным изменениям [25].

Дуглас Норт говорит о том, что пересмотр «правил игры» («условий контракта») невозможен без изменения набора правил более высокого порядка [15, с. 112]. При этом, утверждает Владимир Гельман, рациональность действий политических акторов зависит от полноты имеющейся у них информации, их возможностей предсказать последствия институционального строительства [27, с. 1026–1027].

⁴ См., например, работы Квентина Скиннера [33], Джона Покока [31] и др. В этой парадигме анализируются: общий язык, определяющий границы высказываний и ограничивающий круг тем; речь самих акторов; наконец, контекст политической коммуникации в конкретный исторический период. «Описав структуру публичной сферы и локализовав в ней конкретное высказывание, мы сможем лучше представить себе смысл осуществляемого им политического действия» [2, с. 121–123].

⁵ На работы Мэри Дуглас «чаще ссылаются, чем опираются» (см. послесловие русского переводчика: [8, с. 231]).

В ситуации неопределенности возникает дефицит информации, и это может приводить к нерациональным действиям. Политические акторы нуждаются в фильтре для сортировки информации. Этим фильтром выступает идеология, понимаемая не как набор политических доктрин, а как когнитивная схема восприятия («ментальная модель») [27, с. 1027]. Таким образом, В. Гельман объясняет цикл институциональных изменений как результат взаимодействия интересов, идеологий и дефицита информации [27, с. 1027].

В этом ключе мы и рассмотрим Русскую православную церковь как субъект государственно-религиозных отношений, имеющий свои интересы, оперирующий определенной «ментальной моделью» и существующий в условиях дефицита правовой информации.

Непубличность правового регулирования вопросов религии в СССР

Процесс нормотворчества в СССР имел выраженные особенности, которые не ускользали от внимания зарубежных исследователей. Юджин Хаски в 1990 г. отмечал, что советская нормотворческая деятельность «примечательна своим масштабом, секретностью и нежеланием соблюдать основные принципы рациональности — такие, как иерархия и дифференциация» [29, с. 419].

Политика информационной закрытости «была нацелена на установление тотального контроля над информационным полем, что должно было обеспечиваться избыточной секретностью, цензурой и жестким контролем над распространением информации» [18, с. 125–126].

Секретность правотворчества искажала правовые отношения как между гражданином и государством, так и внутри самого государства, а также способствовала расширению дискреционных полномочий представителей власти. Правовое регулирование вопросов религии не являлось исключением. Большинство правовых актов, инструкций и т. п. носили секретный характер и не были известны общественности.

Откуда советский верующий человек мог узнать нюансы законодательства о религии? Пожалуй, единственным источником для него являлась Конституция СССР с ее декларативными нормами о религиозной свободе.

Помимо этого, отдельные редкие упоминания правового статуса религиозных объединений присутствовали в многочисленной атеистической литературе (пропагандистского характера), доступ же к конкретным правовым актам для большинства граждан был закрыт. Увидевшая свет в 1971 г. брошюра под редакцией председателя Совета по делам религий В. А. Куроедова [9] имела ограничительную пометку «для служебного пользования» и не была доступна обычным гражданам.

Нужно отметить, что степень готовности советского государства рассекретить законодательство о религии различалась в зависимости от колебаний

государственной политики в этой сфере. Обращает на себя внимание обилие правовых актов, инструкций и разъяснений о религии и церкви, изданных Советским государством до 1929 г. Этот «поток юридического творчества» полностью иссяк после выхода постановления ВЦИК и Совнаркома «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. [1, с. 25–26].

После 1943 г., когда советская власть шла навстречу многим пожеланиям церкви и даже предупреждала некоторые из них (например, касающиеся материального положения РПЦ), вопросы доступности нормативно-правовой базы в сфере государственно-религиозных отношений для заинтересованной стороны (церковных иерархов и обычных верующих), практически не поднимались. Впрочем, и после ужесточения религиозной политики в эпоху Н. Хрущева в публичных конфликтах РПЦ и верующие не могли опираться на какие-либо правовые акты, кроме самой Конституции.

В брежневский период ситуация несколько изменилась (хотя и не кардинально). Если не сами правовые акты, то хотя бы трактовка советского законодательства была представлена в нескольких книгах Куроедова [11], а также в различной антирелигиозной литературе, которая была призвана очистить от «буржуазной клеветы» государственную политику в этой сфере.

Священнослужители РПЦ с точки зрения информированности о законодательстве находились в чуть лучшем положении. В духовных школах подробно изучали Конституцию СССР в целях «усиления воспитательной работы в духе советского патриотизма, уважения к советским законам, высокой гражданственности»⁶.

Но полноценного представления о нормативно-правовой базе, регулирующей деятельность церкви, не имело даже высшее церковное руководство. Пояснения по отдельным аспектам законодательства давались духовенству через совет. Так, первый председатель совета Г. Г. Карпов ставил патриарха Сергия (Страгородского) в известность о постановлении Совнаркома, определявшего порядок открытия церквей [16, с. 646].

Епархиальное духовенство, в свою очередь, информировали региональные уполномоченные совета. Именно в ходе личных коммуникаций с представителями власти духовенство и активные члены православных общин формировали свое понимание советского законодательства о религии.

В результате церковные наблюдатели констатировали, что источником церковного права становилось «советское законодательство о религиозных культах в истолковании уполномоченных» [1, с. 62].

При этом на «внешнем контуре» государство активно убеждало международную общественность в наличии в СССР религиозной свободы теми же ссылками на положения конституции, заявляло о свободе религии и отсутствии

⁶ Отчет уполномоченного Совета по делам религий по Московской области А. А. Трушина от 21 сентября 1972 г. № 21/134 «О состоянии контроля за деятельностью духовных учебных заведений в РПЦ» // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 474. Л. 52–55.

преследований верующих в СССР, а в качестве орудия пропаганды использовало в первую очередь самих представителей РПЦ.

Таким образом, для советской власти было важно декларировать соблюдение конституционного принципа религиозной свободы на внешнюю аудиторию. При этом аудитория внутренняя (в полном соответствии с общими установками советского законотворчества) не рассматривалась властями как адресат: никто, включая самих представителей РПЦ, не знал всего массива правовых актов в этой сфере.

Официальный язык «советской» церкви

Формат советской церковной прессы не предполагал возможности обсуждения ни насущных внутрицерковных проблем, ни даже малейшего выражения несогласия с политическим режимом. Но тем не менее в ЖМП публиковались решения Священного синода РПЦ (хотя о причинах принятия тех или иных управленческих решений, конечно же, не сообщалось), поэтому можно было бы ожидать, что официальный церковный журнал будет информировать верующих и об отдельных элементах советского права. В какой же мере в нем освещались вопросы законодательства в сфере государственно-религиозных отношений?

Обязательный раздел «Официальная часть» в начале каждого номера ЖМП был явно адресован представителям власти и цензорам. Государственно-религиозные отношения в СССР в нем всегда характеризовались наивысшими эпитетами.

Журнал постоянно подчеркивал соблюдение прав человека, уникальную религиозную свободу в СССР и отсутствие гонений на верующих. «Нет во всем мире более благоприятных условий для расцвета деятельности церкви, чем в Советской стране», — писал в 1949 г. священник М. Зернов. По его словам, советское государство, «ничего не требуя от церкви», демонстрирует «полное невмешательство» в ее внутреннюю жизнь, окружает церковь вниманием и заботой, в том числе с точки зрения восполнения материальных нужд⁷.

Во множестве публикаций присутствуют дифирамбы в адрес всего советского; отмечается, как гражданам СССР повезло дожить до гарантированных государством прав и свобод. В публикациях, связанных с праздником 8 Марта, подчеркивается, что советская конституция подняла «авторитет русской женщины на один уровень с мужчиной»⁸.

Акцент на конституционных нормах, полагают В. Дегоев и В. Эйриян, был связан с желанием подчеркнуть признание авторитета советской власти

⁷ Журнал Московской патриархии. 1946. № 1. С. 30–31.

⁸ Колоколов М. О русской женщине // Журнал Московской патриархии. 1946. № 3. С. 32–34.

[6, с. 40]. Но, учитывая, что тираж ЖМП распространялся и за границей, можно предположить, что эти статьи также были ориентированы на иностранных читателей.

По сути, аналогичными пассажами и ограничивался круг правовых вопросов, которые освещались на страницах ЖМП. Зная специфику правового регулирования в СССР (его секретность), мы можем понять, почему других сведений о законодательстве в сфере религии в журнале быть не могло. Кроме того, рискнем предположить, что многие верующие, лишённые доступа к документам советской власти по вопросам государственно-религиозных отношений, могли искренне полагать, что ст. 124 Конституции СССР, формально имеющая прямое действие, подтверждает тезис государственной пропаганды о религиозной свободе в Советском Союзе (хотя она и нарушается на практике государственными органами), а значит, имеются основания отстаивать перед властями этот конституционный принцип.

Что касается особого «патриотического языка» церковных публикаций, общим местом в них в первые послевоенные годы стало утверждение, что «любой христианин по умолчанию является патриотом, чья задача — внести свой вклад в построение счастливого будущего и создание общего блага» [6, с. 35–36].

Отдельной сквозной темой публикаций ЖМП в сталинский период, конечно же, являлся образ самого «Вождя, Учителя и Друга трудящихся»⁹. Зарубежные исследователи, комментируя беспрецедентные похвалы «богоподобной» фигуры Сталина на страницах журнала, отмечают, что ни один другой коммунистический лидер не привлекал такого внимания РПЦ [30].

Верность курсу советского правительства демонстрировалась и через солидаризирование с «глубоко честной» внешней политикой СССР, которая противостояла «приспешникам США, реваншистам и аденауэрам», которые «опьянели от жажды крови и захлебываются от злобы»¹⁰.

Этим РПЦ вносила свой вклад в формирование общего советского мифа, который конструировался коммунистической идеологией [10, с. 136].

Таким образом, рассматривая официальный язык РПЦ, нашедший свое отражение в церковной периодике и выступлениях иерархов в 1940–1970-е гг., через оптику институционального анализа, мы можем предположить, что широкое использование патриотических нарративов выполняло функцию адаптации церкви к ситуации правовой неопределенности. Этот используемый церковным руководством язык становился в некотором смысле частью церковной традиции и транслировался на уровень рядового духовенства и верующих, которые усваивали его основные конструкции и смыслы.

⁹ Приветственный адрес от духовенства и мирян Русской Православной Церкви Вождю народов СССР Генералиссимусу И. В. Сталину в день его семидесятилетия // ЖМП. 1949. № 12. С. 5–11.

¹⁰ Лука (Войно-Ясенецкий). Размышление о правде и лжи (К первой сессии Всемирного Совета мира) // ЖМП. 1951. № 5. С. 8–11.

Результаты исследования

Процесс конструирования элементов когнитивной рамки, общих подходов, отражающих собственное «мышление» института РПЦ, и встраивания этого института в советскую политико-правовую систему в период зрелого сталинизма и последующие десятилетия, отразился в языке официальных церковных документов и публичной риторики в 1940–1970-е гг. Для официального языка церкви этих эпох характерен феномен умолчания в сфере правовых вопросов и нарастающий вал патриотической риторики.

Причинами этих явлений являлись: доминирование прерогативного права, специфическая культура секретности и значительный дефицит информации о правовом регулировании государственно-религиозных отношений. Принимая правила игры, РПЦ стремилась уменьшить неопределенность (и, как следствие, сложности с предсказанием последствий тех или иных действий государства), чтобы снизить возможные политические риски, сочетая реальную патриотическую деятельность с кооптацией соответствующих нарративов в церковный коммуникативный дискурс.

Штампы и когнитивные конструкторы советской идеологии постепенно усваивали и представители духовенства, и миряне, а церковь таким образом становилась частью системы государственной идеологической политики, обеспечивая фундамент для легитимизации образа советской власти и формирования национальной идентичности верующих наряду с церковной.

РПЦ в качестве политического актора и субъекта государственно-религиозных отношений решала одновременно две задачи: с одной стороны, подтверждала лояльность государственной власти, а с другой — пыталась через адаптацию к советской правовой системе расширить границы дозволенного в условиях новой правовой и социальной реальности. Это не могло не отразиться на особенностях правосознания церкви, соединившей религиозную идентичность с послушанием государственной власти.

В результате именно эти факторы — дефицит информации о своем правовом статусе и призванный его отчасти нивелировать патриотический дискурс, а также осознание необходимости защиты своих интересов и прав — создавали в рамках сложной системы государственно-религиозного взаимодействия новые неформальные институты («правила игры»), которые, помимо прочих обстоятельств, в итоге способствовали фактической подмене формальных правил неформальными договоренностями и специфическими практиками. Эти правила и практики не только действовали на протяжении всего советского периода, но и были позже во многом унаследованы Российской Федерацией.

Список источников

1. Адельгейм П. Своими глазами. Повесть в трех частях. М.: Крестовоздвиженское малое православное братство, 2010. 312 с.

2. Атнашев Т. М., Велижев М. Б. История политических языков в России: к методологии исследовательской программы // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. 2018. Т. 2. № 3. С. 107–137.
3. Беглов А. Л. В поисках «безгрешных катакомб»: церковное подполье в СССР. М.: Росспэн, 2018. 350 с.
4. Васильева О. Ю. Русская православная церковь в политике советского государства в 1943–1948 гг. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2001. 214 с.
5. Давыдов И. П., Фадеев И. А. Как мыслят церковные институты: механизмы формирования этноконфессиональной идентичности // *Диалог со временем*. 2024. Вып. 89. С. 220–231.
6. Дегоев В. В., Эйриян В. А. «Мы будем оправдывать доверие Правительства»: участие РПЦ в советских идеологических кампаниях в 1945–1953 гг. // *Россия XXI*. 2024. № 2. С. 32–53.
7. Дорская А. А. Влияние церковно-правовых норм на развитие отраслей российского права. СПб.: Астерион, 2007. 158 с.
8. Дуглас М. Как мыслят институты / пер. с англ. А. Корбута. М.: Элементарные формы, 2010. 250 с.
9. Законодательство о религиозных культах: сб. материалов и документов / под ред.: В. А. Куроедова, А. С. Панкратова. М.: Юридическая литература, 1971. 335 с.
10. Кимерлинг А. С. Выполнять и лукавить. Политические кампании поздней сталинской эпохи. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 210 с.
11. Куроедов В. А. Религия и церковь в советском обществе. М.: Политиздат, 1984. 256 с.
12. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
13. Марченко А. Н. «Хрущевская церковная реформа»: очерки церковно-государственных отношений (1958–1964 гг.): по материалам архивов Уральского региона. Пермь: Ред.-изд. отдел Пермского гос. ун-та, 2007. 198 с.
14. Митрохин Н.* Болезнь под названием «фонд уполномоченного», или несколько страниц об актуальных проблемах изучения религиозности в СССР // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2012. № 3–4 (30). С. 505–511.
15. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А. Н. Нестеренко. М.: Начала, 1997. 180 с.
16. Одинцов М. И. Крестный путь патриарха. Жизнь и церковное служение патриарха Московского и всея Руси Сергия (Страгородского). 1867–1944. М.: АФК «Система»; Политическая энциклопедия, 2022. 727 с.
17. Одинцов М. И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма, 1917–1953 гг. М.: РОССПЭН, 2014. 421 с.
18. Парамонов В. Н. Секретность в советском обществе в 1920–1940-х гг. // *Вестник СамГУ*. 2012. № 2/2 (93). С. 125–133.
19. Пашенцев Д. А. Роль религии в формировании российской правовой традиции // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 2010. № 6 (293). С. 168–173.
20. Петюкова О. Н. Правовые формы отношений советского государства и Русской православной церкви в 1917–1945 годах. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 352 с.
21. Хархордин О. В. Основные понятия российской политики. М.: Новое лит. обозрение, 2011. 321 с.

22. Четвернин В. А., Яковлев А. В. Институциональная теория права. М.: ВШЭ, 2009. 25 с.
23. Чумаченко Т. А. Государство, православная церковь и верующие. 1941–1961 гг. М.: АИРО-XX, 1999. 246 с.
24. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Вече, Лепта, 2010. 478 с.
25. Coleman J. A Rational Choice Perspective on Economic Sociology // *The Handbook of Economic Sociology* / ed. by N. Smelser and R. Swedberg. Princeton (NJ): Princeton University Press, 1994. P. 166–180.
26. Duncan P. J. S. Orthodoxy and Russian Nationalism in the USSR, 1917–1988 // *Church, Nation and State in Russia and Ukraine (Studies in Russia and East Europe)* / ed. by Geoffrey A. Hosking. L.: Palgrave Macmillan, 1991. P. 312–332. DOI: 10.1007/978-1-349-21566-9_18
27. Gelman V. The unrul of law in the making: The politics of informal institution building in Russia // *Europe – Asia Studies*. 2004. Vol. 56. № 7. P. 1021–1040. DOI: 10.1080/1465342042000294347
28. Huskey E. A Framework for the Analysis of Soviet Law // *The Russian Review*. 1991. Vol. 50. No. 1. P. 53–70.
29. Huskey E. Government Rulemaking as a Brake on Perestroika // *Law & Social Inquiry*. 1990. Vol. 15. Issue 3. P. 419–432. DOI:10.1111/j.1747-4469.1990.tb00377.x
30. Pawełczyk-Dura K. Powojenna metafora «bogostalina» w świetle «Żurnálu Moskowskoj Patriarchi» // *Studia Religiologica*. 2014. T. 47. No. 1. S. 67–75. DOI: 10.4467/20844077SR.14.005.2378
31. Pocock J. G. A. On the Unglobality of Contexts: Cambridge Methods and the History of Political Thought // *Global Intellectual History*. 2019. Vol. 4. Issue 1. P. 1–14. DOI: 10.1080/23801883.2018.1523997
32. Reese R. The Russian Orthodox Church and "Patriotic" Support for the Stalinist Regime during the Great Patriotic War // *War & Society*. 2014. Vol. 33. Issue 2. P. 131–153. DOI: 10.1179/0729247314Z.000000000035
33. Skinner Q. Meaning and Understanding in the History of Ideas // *History and Theory*. 1969. Vol. 8. No 1. P. 3–53.
34. Solomon P. H. Law in Public Administration: How Russia Differs // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. 2008. Vol. 24. Issue 1. P. 115–135.

References

1. Adelgeim P. *Svoimi glazami. Povest' v treh chastiah*. M.: Krestovozdvizhenskoe maloe pravoslavnoe bratstvo, 2010. 312 s.
2. Atnashev T. M., Velizhev M. B. Istoriya politicheskikh yazykov v Rossii: k metodologii issledovatel'skoi programmy // *Filosofia. Zhurnal Vyshei shkoly ekonomiki*. 2018. T. 2. № 3. P. 107–137.
3. Beglov A. L. *V poiskah «bezgreshnykh katakomb»: tserkovnoe podpol'e v SSSR*. Moscow: Rosspen, 2018. 350 s.
4. Vasil'eva O. Yu. *Russkaya pravoslavnaya tserkov' v politike sovetskogo gosudarstva v 1943–1948 gg.* M., In-t ros. istorii RAN, 2001. 214 s.
5. Davydov I. P., Fadeev I. A. Kak myslyat tserkovnye instituty. Mekhanizmy formirovaniya etnokonfessional'noi identichnosti // *Dialog so vremenem*. 2024. Vyp. 89. S. 220–231.

6. Degoev V. V., Eiriyar V. A. «My budem opravdyvat' doverie Pravitel'stva»: uchastie RPTs v sovetskykh ideologicheskikh kampaniyah v 1945–1953 gg. // Rossiia XXI. 2024. № 2. S. 32–53.
7. Dorskaya A. A. Vliyanie tserkovno-pravovykh norm na razvitie otraslei rossiiskogo prava. SPb.: Asterion, 2007. 158 s.
8. Douglas M. Kak myslyat instituti / per. s angl. A. Korbut. M.: Elementarnie formi, 2010. 250 s.
9. Zakonodatel'stvo o religioznykh kul'tah: sb. materialov i dokumentov / pod red. V. A. Kuroedova, A. S. Pankratova. M.: Yuridicheskaya literatura, 1971. 335 s.
10. Kimerling A. S. Vypolnyat' i lukavit': politicheskie kampanii pozdnestalinskoi epohi. M.: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2017. 210 s.
11. Kuroedov V. A. Religii i tserkov' v sovetskom obshchestve. M., Politizdat, 1984. 256 s.
12. Latour B. Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu. M.: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2014. 384 s.
13. Marchenko A. N. «Khrushchevskaya tserkovnaya reforma»: ocherki tserkovno-gosudarstvennykh otnoshenii (1958–1964 gg.): po materialam arkhivov Ural'skogo regiona. Perm: Editorial and Publishing Department of Perm State University, 2007. 198 s.
14. Mitrokhin N.* Bolezn' pod nazvaniem «fond upolnomochennogo» ili neskol'ko stranits ob aktual'nykh problemakh izucheniya religioznosti v SSSR // Gosudarstvo, religii, tserkov' v Rossii i za rubezhom. 2012. No. 3–4 (30). S. 505–511.
15. North D. Instituty, institutsional'nie izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki / per. s angl. A. N. Nesterenko. M.: Nachala, 1997. 180 s.
16. Odintsov M. I. Krestnyi put' patriarkha. Zhizn' i tserkovnoe sluzhenie patriarkha Moskovskogo i vseia Rusi Sergiia (Stragorodskogo). 1867–1944. M.: AFK «Sistema»; Politicheskaya entsiklopediya, 2022. 727 s.
17. Odintsov M. I. Russkaya pravoslavnaya tserkov' nakanune i v epokhu stalinskogo sotsializma, 1917–1953 gg. M.: ROSSPEN, 2014. 421 s.
18. Paramonov V. N. Sekretnost' v sovetskom obshchestve v 1920–1940-kh gg. // Vestnik SamGU. 2012. № 2/2 (93). S. 125–133.
19. Pashentsev D. A. Rol' religii v formirovanii rossiiskoi pravovoi traditsii // Izvestiya vysshykh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie. 2010. № 6 (293). S. 168–173.
20. Petyukova O. N. Pravovye formy otnoshenii Sovetskogo gosudarstva i Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v 1917–1945 godah. M.: UNITY-DANA, 2012. 352 s.
21. Kharkhordin O. V. Osnovnye ponyatiya rossiiskoi politiki. M.: Novoe lit. obozrenie, 2011. 321 s.
22. Chetvernin V. A., Yakovlev A. V. Institutsionalnaya teoriya prava. M.: Vysshaya shkola ekonomiki, 2009. 25 s.
23. Chumachenko T. A. Gosudarstvo, pravoslavnaya tserkov' i veruyushchie. 1941–1961 gg. M.: AIRO-XX, 1999. 246 s.
24. Shkarovskii M. V. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v XX veke. M., 2010. 478 s.
25. Coleman J. A Rational Choice Perspective on Economic Sociology // The Handbook of Economic Sociology / ed. by N. Smelser and R. Swedberg. Princeton (NJ): Princeton University Press, 1994. P. 166–180.
26. Duncan P. J. S. Orthodoxy and Russian Nationalism in the USSR, 1917–1988 // Church, Nation and State in Russia and Ukraine (Studies in Russia and East Europe) / ed. by Geoffrey A. Hosking. L.: Palgrave Macmillan, 1991. P. 312–332. DOI: 10.1007/978-1-349-21566-9_18

27. Gelman V. The unrul of law in the making: The politics of informal institution building in Russia // *Europe – Asia Studies*. 2004. Vol. 56. № 7. P. 1021–1040. DOI: 10.1080/1465342042000294347
28. Huskey E. A Framework for the Analysis of Soviet Law // *The Russian Review*. 1991. Vol. 50. No. 1. P. 53–70.
29. Huskey E. Government Rulemaking as a Brake on Perestroika // *Law & Social Inquiry*. 1990. Vol. 15. Issue 3. P. 419–432. DOI:10.1111/j.1747-4469.1990.tb00377.x
30. Pawełczyk-Dura K. Powojenna metafora «bogostalina» w świetle «Żurnału Moskowskiej Patriarchi» // *Studia Religiologica*. 2014. T. 47. No. 1. S. 67–75. DOI: 10.4467/20844077SR.14.005.2378
31. Pocock J. G. A. On the Unglobality of Contexts: Cambridge Methods and the History of Political Thought // *Global Intellectual History*. 2019. Vol. 4. Issue 1. P. 1–14. DOI: 10.1080/23801883.2018.1523997
32. Reese R. The Russian Orthodox Church and "Patriotic" Support for the Stalinist Regime during the Great Patriotic War // *War & Society*. 2014. Vol. 33. Issue 2. P. 131–153. DOI: 10.1179/0729247314Z.000000000035
33. Skinner Q. Meaning and Understanding in the History of Ideas // *History and Theory*. 1969. Vol. 8. No 1. P. 3–53.
34. Solomon P. H. Law in Public Administration: How Russia Differs // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. 2008. Vol. 24. Issue 1. P. 115–135.

Статья поступила в редакцию: 18.07.2025;
одобрена после рецензирования: 18.08.2025;
принята к публикации: 05.09.2025.

The article was submitted: 18.07.2025;
approved after reviewing: 18.08.2025;
accepted for publication: 05.09.2025.